

ского».¹ Связь «Казанской истории» с татарскими историческими преданиями и легендами не может быть установлена в конкретных формах. Но несомненно, что описание попытки отравления Сумбекой хана Шигалея посредством присылки к нему отравленной пищи и одежды восходит к татарскому обычаю одаривания невестой жениха.² Несомненно и то, что характеристика Сумбеки как «первой» и «любимой» жены Сафа-Гирея отражает оценку ее определенными кругами казанских феодалов, поддерживавших ее политический престиж. Можно полагать, что сцены торжественных проводов Сумбеки из Казани также основаны на каких-то, не дошедших до нашего времени легендах и преданиях.

Автор «Казанской истории» свидетельствует сам, что он прибегал к устным источникам; он говорит, что слухи о любовной связи Сумбеки с уланом Кошчаком были известны не только в Казани, «но и на Москве слышащим речь ту и, во многих ордах». Рассказ о жизни Сумбеки в Москве также близко совпадает со слухами о ней, распространенными в Ногайской Орде.

Поэтизация Сумбеки в «Казанской истории», непосредственно связанная с самим характером источников автора, не противоречит общей направленности всего произведения в целом — прославить величие и могущество Русского государства. Живущая в Касимове бывшая казанская царица не являлась более политическим врагом. На Сумбеку распространялась та атмосфера благожелательности и уважения, которая являлась следствием умной и дальновидной политики, проводившейся русскими государями, начиная с Ивана III, в отношении восточных народностей. Известно, что при дворе Ивана IV находились и пользовались почетом «выезжие» на Русь татарские царевичи, в том числе сын Сумбеки Утемыш-Гирей (в крещении Александр Сафакиреевич), казанский хан Едигер, плененный при взятии Казани в 1552 году (в крещении Симеон Касаевич), крымский царевич Тохташых, царевич Кайбула, Дервиш-Алей, касимовский хан Шигалей и многие другие.³

Литературное мастерство автора «Казанской истории», сформировавшееся на основе художественного опыта древнерусской литературы,⁴ позволило ему с большим тактом и умением воспользоваться феодальным эпосом казанских татар для создания высоко поэтического образа «прекрасной и велми мудрой» последней казанской царицы Сумбеки.

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 168.

² На это впервые указал Г. Э. Куневич, сославшись на книгу М. Н. Пинегина «Свадебные обычаи казанских татар» (Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии, IX, вып. 1, 1891): Г. Э. Куневич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 375.

³ Дела Тайного Приказа, СПб., 1908, кн. 2, стр. 60.

⁴ А. С. Орлов 1) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 4—5; 2) Хронограф и «Повесть о Казанском царстве». Сборник в честь акад. А. И. Соболевского, Л., 1928, стр. 188—193.